

Дождавшись ухода Су Цили, Цзи Линьси осушил последнюю чашу вина. Отставив её в сторону, он нетвёрдой походкой вышел из таверны, напустив на себя вид вдребезги пьяного человека.

Тенью за ним следовал человек в чёрном, но Цзи Линьси, казалось, вовсе не замечал слежки. Пошатываясь, он упрямо шёл вперёд, однако целью его на этот раз было вовсе не поместье канцлера.

Пробыв в столице столь долго, молодой человек уже не был тем несведущим провинциалом, каким прибыл сюда. Тоска по прекрасному молодому господину жгла его сердце, и он втайне разузнал, где находится поместье великого наставника Шэнь. Раньше случая не представлялось, но сейчас, под маской хмельного угара, он мог позволить себе «случайно» забрести в те края.

Краткая встреча в праздник Сяюань лишь убедила его: прекрасный юноша стал ещё пленительнее. Если в Юнчэне он казался неуловимым горным духом или дивным созданием, в чьём облике аристократическое величие мешалось с едва уловимым лукавством — не злым, а скорее нежным, подобно редкому цветку, что расцвёл у горного ручья вдали от людских глаз, — то теперь всё изменилось. Тот юноша, впитавший свежесть утреннего солнца и чистоту мелкого дождя, оберегаемый от зноя и бурь, обрёл в свете луны человеческий облик. Его хотелось бережно держать на ладонях, боясь уронить, и в то же время неистово желать, замирая от страха быть отвергнутым.

Нынешний же облик прекрасного господина стал более зрелым, а выражение лица — безмятежным. Стоило ему появиться лишь на миг, как мир замирал, точно перед сошедшим на землю небожителем. Его янтарные глаза отражали сущее, словно взор самого божества, что взирает с небес на суетный мир смертных — кротко, спокойно и милостиво.

Одного этого взгляда хватило Цзи Линьси, чтобы понять: все его прежние фантазии были лишь жалкими потугами. Разве мог такой небожитель, устыдившись, звать его «супругом Си»?

Нет, он наверняка с нежностью и кротким смущением называл бы его «господин Си», «господин Цзи» или «Линьси». А затаённая страсть жила бы лишь на самом дне его глаз. И когда он, Линьси, осмелился бы коснуться его тонких пальцев, тот лишь едва заметно вздрогнул бы и отвёл взгляд, молча позволяя делать с собой всё, что угодно.

Ведь он — божество, а божества всегда милосердны к простым смертным. Юноша же мнил себя его преданным служителем. Он так упорно трудился, так неистово рвался к цели — небо не может остаться глухим к такому усердию, а значит, и божество не отвергнет своего самого истового фанатика.

Цзи Линьси шёл по заранее изученному пути, но вскоре ощутил неладное.

«Как же так... я ведь помню, что в прошлый раз карета прекрасного господина свернула в другую сторону?..»

Тряхнув головой, он нетвёрдо указал пальцем сперва на левую дорогу, затем на правую.

Карта вела направо, но в праздник Сяюань карета точно уехала налево...

«Неужели я ошибся?»

Несмотря на опьянение, рассудок его оставался холодным, просто реакции стали медленнее, а уверенность в деталях пошатнулась.

Он на миг зажмурился и решил придерживаться плана. Возможно, в тот день юноша не сразу отправился домой, а поехал куда-то ещё.

«Верно... я припоминаю, что в том месте были высокие ворота, похожие на городские. Но за ними ничего не было видно. Вряд ли у обычного поместья могли быть такие высокие врата...»

Пошатываясь, Цзи Линьси продолжал путь, время от времени делая круги, чтобы сбить с толку соглядатая. Спустя вечность он, наконец, увидел вдалеке вывеску поместья великого наставника.

Небо уже начало светлеть, предвещая скорый рассвет. Издалека донёсся звонкий крик петуха, а в воздухе послышалось бодрое щебетанье птиц. Линьси прошёл ещё немного и, улучив момент, тяжело опустился на землю у обочины, притворяясь совсем обессилевшим. Его взгляд был прикован к воротам поместья.

Находясь в зыбком состоянии между хмелем и бодрствованием, он отчаянно надеялся хоть мельком увидеть прекрасного господина перед началом экзаменов. Пусть это станет последним ярким воспоминанием уходящего года, искрой, что согреет его и придаст сил.

В конце концов, он тоже был человеком. То, что он замышлял, было дерзостью неслыханной, преступлением против всех законов, и в глубине души его точил червь сомнения.

Раньше он лишь обманывал глупых богатеев — всё это были пустяки, детские игры. Даже если бы его поймали, он всегда нашёл бы лазейку, путь к отступлению.

Но то, что он делал сейчас — обман самого могущественного канцлера империи, использование его сына как ступени для восхождения... Если это вскроется, его ждёт не просто смерть, а лютые муки и позорный конец без права на погребение.

Кому охота умирать?

Но отступить он не мог — не позволяла гордыня.

Вся его былая самоуверенность была лишь ширмой, скрывающей ужас перед грядущим, которое он не мог полностью подчинить своей воле. И это безумное возбуждение было лишь криком тела, чувствующего близость пропасти.

Сейчас, когда власть ещё не была в его руках, единственным, что давало ему силы стоять прямо, была надежда на встречу с тем юношей. Даже не встреча — просто пара слов о нём могли вернуть Линьси волю к жизни.

Стиснув зубы и терпя пульсирующую боль в висках, он ждал, когда откроются двери поместья великого наставника.

Скрип —

До него донёлся звук открывающихся ворот. В затуманенном зоре проступили очертания пожилого слуги с мягким лицом, который выводил из поместья помощников. До Цзи Линьси донеслись обрывки их разговора:

— Стоит только похолодать, как второй молодой господин тут же заболевает. Который раз уже за эту зиму? Эх, будь у господина Шэнь здоровье покрепче, как было бы славно.

— Да уж, сидит дома, совсем как застенчивая барышня: из ворот ни ногой, всё за книгами да трактатами. В покоях и так полы с подогревом топят день и ночь, а он всё равно хворает. Видно, небо наделило его блестящим талантом и неземной красотой, но взамен отняло крепость тела, сделав таким немощным.

— Неудивительно, что нрав у него такой холодный, и он совсем не желает водиться с чужаками...

Пока они говорили, открылись малые ворота, и к входу подкатила карета. Слуги, спрятав руки в рукава, поспешно забрались внутрь.

Часто болеет?..

Хилое тело?..

Сидит дома, как барышня-затворница?..

Холодный нрав и нежелание общаться с людьми?..

Услышав всё это, Линьси вновь тряхнул головой.

Конечно, когда он видел юношу в семье Ван, тот казался болезненным. Но в аптекарской лавке, в суде и во время их последней встречи на нём не было и следа немощи. Его щёки розовели, точно лепестки распускающегося персика, а дыхание было ровным и спокойным. Как же это вяжется с немощью?

«Из ворот ни ногой», «замкнутая барышня», «холодный нрав»... Но тот прекрасный господин, что так мягко и приветливо улыбался ему — разве мог он быть холодным? А то, как вольно он держался с наследником Янь, вовсе не походило на нежелание заводить знакомства.

«Почему же тот Второй молодой господин Шэнь, о котором говорят слуги, так разительно отличается от того образа, что я видел?»

Он часто моргал, пытаясь осознать услышанное.

«Это я так плохо знаю его, или же я что-то упустил из виду?»

В этот момент, когда его одолели небывалые сомнения, сзади послышались тихие шаги.

Поняв, что это соглядатай канцлера пришёл проверить обстановку, Линьси закрыл глаза и притворился спящим. И на этот раз провалился в сон по-настоящему.

Ему привиделся сон.

В нём он вернулся в Юнчэн, в тот день, когда вновь встретил прекрасного господина в поместье Ван. Наследник Янь, прижимая меч к груди, неизменно следовал за юношей по пятам.

Затем он оказался в том дне, когда признался красавцу, что он лишь поддельный даос. Наследник Янь шептал юноше:

<http://bllate.org/book/15344/1417397>